

учебном процессе высшего учебного заведения обычно основное внимание уделяется усвоению студентами научных знаний и профессиональных методов организации деятельности, тогда как развитие личности будущего учителя остается за пределами педагогической подготовки.

Источники и литература

1. Амонашвили Ш.А. Размышления о гуманной педагогике. – М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1995. – 496 с.
2. Окунев А.А. Как учить не уча. – СПб, 1996
3. Подмазин С.И. Личностно-ориентированное образование: социально-философское исследование. – Запорожье: Просвіта, 2000. – 250 с.
4. Сериков В.В. Личностно-ориентированное образование // Педагогика. 1994. – № 5
5. Хуторской А.В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по-разному? Пособие для учителя / – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005. – 383 с.
6. Якиманская И.С. Личностно-ориентированное образование в современной школе. М., 1996.

Бобра Т.В.

ОБ ЭКОТОНАХ И ЭКОТЕНИЗАЦИИ ГЕОПРОСТРАНСТВА

Научное эссе.

Пространство и время – вот то, что определяет наше существование, бытие и сознание, позволяет воспринимать реальность, отделять прошлое от будущего, создает тот «объем», в котором человек проявляет себя как биологический вид, как социальный индивид, как генератор творческой и научной мысли. Свойства геопространства определяют и будут определять развитие человеческого общества в целом, его общностей разного уровня и каждого человека [1]. Человек не только занимает этот «объем», созерцает действительность, но и активно ее познает и видоизменяет, реализуясь как в разных видах производственной деятельности, так и в поэзии, литературе, живописи, музыке, архитектуре и науке. Постигание законов пространства-времени, выявление их взаимосвязей - процесс бесконечный, как бесконечно стремление человека к познанию окружающего мира. Исследование разных видов и проявлений пространственно-временных отношений позволило говорить о разных пространствах и уровнях природных объектов в них существующих. Так, В.И. Вернадский, выделяя пространство космическое с объектами мегамира, земное планетарное пространство (геономическое), геолого-географическое пространство, биологическое пространство, физико-химическое (атомарное) пространство, положил начало естественной систематике реальных пространств. При этом земное планетарное пространство является универсальным и многомерным, в котором выделяются природные объекты макро- и микромира и пространства, которые они занимают и в которых существуют.

В науке пространство играет «универсальную моделирующую роль» [2]. Пространство понимается и трактуется достаточно широко: пространство как физически воспринимаемая реальность, которую можно увидеть, осязать, измерить; пространство социальное, культурное, этническое, городское, ландшафтное и пр. Однако общим является то, что пространство всегда подразумевает некую определенность местоположения (даже когда речь идет о безграничности пространства), в силу чего категории, которыми оперируют исследователи пространства, остаются общими. Это расстояние, близость, дальность, соседство, смежность, позиция, центр, ядро, область, район, периферия, зона, окраина, граница, рубеж и т.п. В пространстве все определено, т.е. имеет определенное место, положение которого всегда можно описать и охарактеризовать через эти категории.

Пространственный подход – основа географического взгляда на окружающую действительность. Исследования географической науки более, чем других, связаны или замыкаются на пространство. Далее я буду рассуждать как географ, которого, как и много столетий назад, интересуют вопросы формирования картины земного пространства (прежде всего дневной поверхности), его дифференциации, изменения, освоения и преобразования человеком.

Реальное земное пространство разнообразно, сложно и неоднородно. Морфология земного пространства является результатом взаимодействия эндогенных и экзогенных факторов, проявляющих себя через различные механизмы дифференциации. Зональность и а зональность, поясность и секторность, высотная зональность и провинциальность, ландшафтное разнообразие, каскадность, катенарность, бассейновость, склоновая микрозональность, фациальность и парцеллярность – вот те закономерности, категории и модели, которыми описывается и объясняется дифференциация земного пространства и которым посвящено множество научных географических работ.

Современная география имеет большой методико-методологический аппарат и инструментарий, который позволяет решать разнообразные исследовательские и практические задачи. А.Ю. Ретеюм в «Земных мирах» (1988) приводит классификацию научных подходов (выделяет 11 «расходящихся путей»), каждый из которых, по сути, отражает определенные этапы движения научной географической мысли к познанию реальной картины земного пространства. При этом каждый из подходов, путей раскрывает по-своему земную картину, как бы выпячивая отдельные стороны, элементы общего объекта. Как отмечает А.Ю. Ретеюм [3, с. 21], «общий недостаток всех подходов заключается в неразличении системы, части и смеси систем», что порождает определенные трудности в сопоставлении и интеграции научных результатов, онтологизации знаний. К этим трудностям можно добавить и отсутствие согласованного и унифицированного понятийно-терминологического аппарата, давление и универсализация некоторых научных стереотипов и

«общепринятых» положений, прямое перетаскивание и подмена понятий, используемых в других научных и ненаучных областях знаний (эзотерике, эниологии, синергетике и пр.), которые превращаются в «культуру хамства» (термин В.Каганского), в некий «стиль научной среды».

Тем не менее, в существовании ряда научных подходов скорее отражается сложность и многогранность самого объекта исследования, нежели противоречивость процесса его научного познания. Эти научные подходы если и не образуют целостной системы, то являются равнозначными и взаимодополняющими, как грани «кубика-рубика». Остается только найти пути и способы поворачивать и группировать эти грани так, чтобы новые научные и научно-практические задачи решались с наибольшим эффектом использования составляющих разных подходов.

Извечной проблемой географии являются границы, их статус, выявление, соотношение и изменение. Можно сказать, что эта проблема пронизывает все задачи географии, связанные с исследованием пространства, а посему она вобрала в себя и основные их противоречия. Феномен границ, пограничности, как обратная сторона медали, всегда присутствует, поскольку дает нам возможность видения предмета исследования (если речь идет о ядре, центре, районе), его обособления, вычленения. Дискретизация пространства путем выделения относительно однородных объектов с помощью границ-линий является методологической основой исследователя. При этом сама граница остается (для исследователя) пассивным образованием, функция которого исключительно информационная, представительская (выделение, представление основного объекта исследования).

Однако, перевернув эту «медаль», то есть, сосредоточив свое внимание на самих границах, мы тут же убеждаемся, что они «не пустые щели между районами» [4, с. 4], не пассивные линии, разграничения или ограничения, а «тела, аккумулирующие и перерабатывающие вещество и энергию из прилегающих пространств», активные субъекты организации географического пространства, которые способны влиять на характер вещественно-энергетических потоков, пронизывающих пространство, они характеризуются своей структурой, генезисом, динамикой и функционированием [5]. Возникает необходимость выделения как самостоятельного объекта исследования самих переходных граничных пространств, экотонов, зон.

Таким образом, *статус границ определяется двойственностью их содержания и функций*. Невозможно сформировать полное представление об объекте (например, ландшафте), если не имеется представление о его границах, и наоборот, не может быть выделена граница, если отсутствуют представления об объекте.

Причина двойственности географической границы кроется в диалектической противоположности и дополнительности дискретности и континуальности пространства. Сам феномен границ и пограничности рождается в недрах дискретного понимания пространства. Дискретный подход отображения пространственной организации ближе и понятнее исследователю (он и до сих пор доминирует в географии). Это вполне объяснимо, поскольку дискретна речь человека, облакающая мысль в конкретные языково-речевые формы-предложения. Обозревая изучаемое пространство, человеческий глаз ищет, цепляется за границы и рубежи (как более контрастные и локализованные образования), которые отделяют однородные, более монотонные пространственные объекты. Именно границы позволяют структурировать, организовать, осмыслить пространство. То есть границы являются единственным способом видения пространственно значимого объекта. Но парадокс заключается в том, что при этом сами границы превращаются в явления вторичные, второстепенные, производные.

В рамках континуальной парадигмы процедура разбиения пространства и проведения границ исчезает вовсе, поскольку предполагается, что в сплошном пространственном континууме различия между отдельными участками и точками пространства связаны с различиями в плотности информации и характеризуются последовательными переходами между ними. Однако же именно в рамках континуального подхода изучение границ приобретает самостоятельное значение, поскольку они представляются как пространственные площадные объекты: зоны, полосы, экотоны, имеющие специфические признаки и характеризующиеся высокой внутренней неоднородностью и разнообразием состава и свойств.

Континуальность и дискретность проявляются на каждом из пространственных уровней организации: на уровне географической оболочки в целом, ландшафтной сферы, физико-географической страны, зоны, ландшафта, геотопа. То, что на одном уровне, при определенном масштабе рассмотрения является дискретным, на другом уровне превращается в континуальное. Это еще в 1926 году весьма четко отметил А.А. Григорьев: «Ландшафтную сферу и ее организацию на разных уровнях в общих чертах характеризуют дискретность тел и континуальность взаимодействий» (1926, с. 15). Э.Г. Коломыц [6] показывает, что характер такого перехода связан не просто с масштабом изображения и связанной с этим проблемой передачи информации, но и с характером проявления на разных уровнях механизмов взаимодействия разного типа (механизмов фоновых и дифференцирующих). Однако на каком бы уровне организации не рассматривалась дифференциация ландшафтного пространства через призму «ядро-экотон», «центр-периферия», существуют признаки, которые характеризуют эти объекты и позволяют их выявлять [5, с. 33-34]. Многочисленные исследования экотонных систем на разных пространственных уровнях показали, что они представляют собой особый тип географических систем, обладающих признаками как общими для геосистем, так и специфическими, присущими только этим объектам (обуславливающие качественную определенность и целостность объекта). Такими признаками являются: высокая степень внутренней неоднородности ландшафтных параметров, структурно-функциональная связность, а также специфический набор структурных элементов, определяющих высокое ландшафтно-экологическое и биологическое разнообразие.

При этом степень внутренней однородности-неоднородности является признаком, который определяет сущность и принципы организации ядерных и экотонных систем. Так, если речь идет об информацион-

ной однородности-неоднородности (универсальный показатель в битах), то экотоны характеризуются как пространственные объекты, геосистемы с максимальным показателем внутренней информационной неоднородности и функциональной связности.

Расширение масштабов антропогенного влияния и преобразования природной среды, внедрение в ландшафт антропогенных объектов, площадные воздействия (орошение, осушение, распашка, выпас и т.п.) формируют новые механизмы взаимодействий, сложные ландшафтно-географические поля, экотонные системы. Чаще всего это дестабилизирует природную среду, приводит к значительному увеличению мозаичности и контрастности территориальной структуры ландшафтной сферы, появлению новых систем антропогенного и природно-антропогенного происхождения, формированию новой пространственной структуры вещественно-энергетических потоков, миграции и расселения живых организмов. В свою очередь, это сопровождается появлением новых природно-антропогенных и антропогенных ядерных и граничных, экотонных геосистем разных пространственных масштабов, со специфическими свойствами, структурой и устойчивостью. Так, например, типичная ядерная нуклеарная антропогенная система – город – при очень высокой внутренней пространственной дифференциации и высоких пространственных градиентах изменения ландшафтно-экологических параметров является функционально однородной и целостной. Природная же ядерная ландшафтная система, наоборот, характеризуется минимальными пространственными градиентами изменения ландшафтно-экологических параметров и имеет высокую степень внутренней однородности.

Экотонные природные и антропогенные системы характеризуются высокими пространственными градиентами изменения ландшафтно-экологических параметров (высокими информационными градиентами), наличием специфических структурных элементов (характерных только для них), более высоким, чем в ядрах, разнообразием и динамичностью.

Вместе с тем в экотонных системах антропогенного происхождения разнообразие чаще бывает связано с развитием различных короткоживущих процессов, процессов негативных, с появлением деструктивных элементов: загрязнение и связанное с ним появление видовых мутаций; замещение аборигенных видов видами с более широкими экологическими нишами, синантропными, рудеральными; появление в структуре наряду с конструктивными элементами также свалок, пустошей, переувлажненных участков и т.п. В связи с этим ландшафтное и видовое разнообразие природных экотонов нельзя сравнивать со спонтанно формирующимся разнообразием антропогенных экотонов. Разнообразие антропогенных экотонов, скорее всего, правильнее понимать, определять как более высокую мозаичность, контрастность, свингерность (от англ. «to swing», качаться, хаотично переходить из одного состояния в другое).

Человек и его деятельность являются неотъемлемой частью и фактором развития географической оболочки. Процесс дальнейшей антропогенизации ландшафтной сферы неизбежен, а, значит, неизбежен и процесс ее дифференциации и экотонизации.

Конец 20 века был отмечен усилением интереса отечественных и зарубежных географов и экологов к изучению экотонов и процесса экотонизации. В работах В.С. Залетаева (1984, 1985, 1989, 1992, 1998), Ю.П. Зайцева (1997), Н.М. Новиковой (1985, 2000), Т.В. Дикаревой (1997, 2000), Ж.В. Кузьминой (2000), В.Л.Каганского (1982), В.Е.Шувалова (1982), Э.Г. Коломыца (1987, 1988, 1994, 1996, 1998), Т.В. Бобра (1994-2001) экотоны рассматриваются как самостоятельный объект изучения. Это связано, во-первых, с высоким биологическим и ландшафтным разнообразием природных геоэкотонов, их ведущей структурно-информационной ролью в ландшафте и приоритетом в природоохранных программах, во-вторых, с увеличением площадей антропогенных геоэкотонов с характерным быстрым развитием в них деструктивных процессов, негативных эффектов и локальных экологических кризисов и необходимостью управления ими.

Вместе с тем понятие экотонизации пространства в научной среде естествознания и географической среде еще до конца не сформировано и не определено, хотя понятие, являющееся корневым – «экотон» – было введено еще в 1905 году Клеменсом как зона перехода между соседними экосистемами, имеющая ряд особенностей, обусловленных пространственным и временным масштабами и силой взаимодействия между соседними экосистемами. Однако, как отмечают Ю. Ягомыги и др. [7], взгляды современных авторов на содержание понятия «экотон» до сих пор выражены слишком обобщенно или, напротив, в очень специальном контексте и терминологии.

Возвращаясь к понятию «экотонизации», отметим, что термин довольно активно используется в работах биологов, экологов, в работах географов, посвященных пространственному анализу, территориальному планированию, оценке антропогенного влияния на состояние ландшафтов и т.п. В общем виде «экотонизацию» можно определить как географическое явление, процесс, выражающийся в изменении пространственной организации под действием природно-антропогенных факторов и приводящий к появлению различного рода экотонных систем. Каждый из факторов экотонизации имеет свое характерное время и масштабы проявления, реализуется как внешний или внутренний, фоновый или дифференцирующий. Факторы планетарно-космического характера являются внешними и проявляются в формировании ландшафтных зон и зональных экотонов (лесотундра, лесостепь, полупустыня); региональных горных провинций и предгорных экотонов. Внутренние факторы формируют ядерные и экотонные системы ландшафтно-геоуровня организации.

Антропогенный фактор как фактор активной экотонизации геопространства имеет гораздо более короткое характерное время, чем природные, и достаточно большую силу воздействия особенно на субрегиональном и ландшафтном уровнях, являющихся основной ареной хозяйственного освоения (и развития конфликтов природопользования). В связи с этим современный процесс экотонизации геопространства чаще связывают главным образом с действием антропогенного фактора.

Исходя из этого, можно сформулировать *сущность современного процесса экотонизации*, которая состоит, во-первых, в нарушении структуры, внутрисистемных связей и условий нормального функционирования геосистем, нарушении континуальности ландшафтного покрова, во-вторых, в возникновении новых граничных условий и систем (экотонных систем). При этом природные факторы экотонизации чаще всего выступают как фоновые, подстилающие, инвариантные.

Таким образом, нарушение естественной (нормальной) пространственно-временной структуры ландшафтного пространства под действием антропогенного фактора, расширение площадей различного рода геоэкотонов определяет *внешнюю сущность* современного процесса *экотонизации геопространства*, или *геоэкотонизации*. *Внутренняя сущность* этого процесса состоит в изменении природного биологического и ландшафтного разнообразия, повышении информационной емкости геопространства, снижении равновесия и устойчивости ландшафтной сферы и отдельных ее частей.

Поиск механизмов управления природными и антропогенными процессами, создания новой, адаптированной к совместным требованиям человека и природы пространственной структуры ландшафтной сферы, в которой экотонные системы антропогенного происхождения по своим свойствам и функциям будут близки к природным, позволит превратить процесс экотонизации геопространства в регулируемый процесс с заданными свойствами. Одним из путей создания такого геопространства является территориальное планирование, которое позволит свести к минимуму или вовсе избавиться от явления «нежелательной экотонности», связанной с появлением территорий без определенного функционального назначения, деструктивных территорий (нерекультивированных карьеров, заброшенных сельскохозяйственных территорий, выработанных шахт и т.п.).

Источники и литература

1. Мартынов В.Л. Пространственная самоорганизация общества и проблемы регионального управления. Геопространственные системы: структура, динамика, взаимосвязи // Труды 12 съезда Русского географического общества. Т. 2.- СПб., 2005.- С. 157-160.
2. Каганский В. Вопросы о пространстве маргинальности // Социология маргинальности. НЛЮ. – 1999.- № 37.
3. Ретеюм А.Ю. Земные миры. - М.: Мысль, 1988. - 268 с.
4. Родоман Б.Б. Основные типы географических границ / Географические границы. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 19-32.
5. Бобра Т.В. Ландшафтные границы: подходы к анализу и картографированию.- Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. – 165 с.).
6. Коломыйц Э.Г. Ландшафтные исследования в переходных зонах. - М.: Наука, 1987. - 118 с.
7. Якомьяги Ю., Кюльвик М., Мандер Ю. Роль экотонов в ландшафте // Структура и ландшафтно-экологический режим геосистем. Ученые записки Тартуского ун-та. - Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1988. - С. 96-118.

Масаев М.В.

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ – СИМВОЛ ПОБЕДЫ ИЛИ ПОРАЖЕНИЯ.К ВОПРОСУ О РОЛИ СИМВОЛА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Бородинское сражение – символ победы или поражения. Сразу же возникает вопрос: для кого? Для России – это символ победы, хотя после этой победы русские войска отступили и даже... сдали без боя древнюю столицу России Москву. Для Франции – это символ поражения, тем более поражение это было очевидным сразу же после окончания боевых действий, ведь французы оставили захваченные в ходе сражения позиции и отступили, но затем они, увидев отступление русских, перешли в наступление, заняли без боя древнюю столицу России Москву, затем также без боя оставили ее и отступали уже с боями до самого Парижа. Символ может переворачиваться. Об этом пишет французский философ Рене Генон в своих «Символах священной науки» (“Simboles de la science sacree”) [1] и, особенно, в «Царстве количества и знаменьях времени» (“La regne de la quantite et les signes des temps”), в главе XX «Переворачивание символов»[2, с.216 - 222]. Рене Генон считает, что двойственность символа – это не оппозиция, а взаимозаменяемость.[2, с.216], что обе позиции одного и того же символа могут иметь законное значение[2, с.220]. Главное, по Рене генону, - это «присутствие реальной воли к «переворачиванию»[2, с.220]. Правда, Рене Генон говорит больше о символах как графических знаках, хотя все это можно отнести к любому символу. Ведь, по мнению представителя Чикагской школы символического тнтеракционизма, профессора философии Калифорнийского Университета американского социолога и социального псмхолога Тамотсу Шибутани (Tamotsu Scibutani), символ – это «некий объект, образ действия или слово»[3, с.105],[4, с.108].Причем под объектом следует понимать и событие, и дату, и личность и многое, многое другое, а не только графический знак. Таким символом следует считать Бородинское сражение 26 августа (7 сентября) 1812 года. Конечно, если бы войну выиграла Франция, победу в единственном генеральном сражении войны приписали бы Наполеону. Но Франция войну проиграла.Поэтому есть основания считать Бородино успехом М. И. Кутузова, кстати получившего за это сражение чин генерал – фельдмаршала. И это была не Пиррова победа, ставшая символом не победы, а поражения эфирского царя, а победа, ставшая символом русской победы и в Отечественной войне 1812 года и во всех наполеоновских войнах. «Не даром помнит вся Россия про День Бородина», - писал в своем знаменитом стихотворении «Бородино», ставшем народ-